

Фронтовое письмо

DOI: 10.19181/inter.2018.15.5

Елена Рождественская*

В центре статьи — феномен фронтовой эпистолы, рассмотренный на примере подборки атрибутированных писем россиян с различных фронтов XX века. Письмо с фронта является личным документом; при соответствующей исторической обработке может представлять собой социально-исторический документ, повествующий об отношении участника событий к происходящему, к контексту фронта и его обстоятельствам. Фронтовое письмо как личный эго-документ является, в то же время, отражением дискурсивного режима эпохи, который определяет и формирует господствующие способы письменной коммуникации. Для целей статьи мы ограничиваемся сюжетом профессионального отношения к войне, которое, безусловно, менялось на протяжении XX века. В чем сходятся и чем различаются представления о военном профессионализме во время англо-бурской войны в Трансваале и представления времен русско-японской войны, Первой и Второй мировых войн или относительно недавних Афганской войны и чеченских кампаний? Социально ориентированный нарративный анализ отдельных фронтовых писем российских военных с различных войн XX века позволяет наметить ведущие лейтмотивы сюжета «работы на войне», эволюцию военного профессионализма, военного этоса и публичного дискурса об этом. Значимо то, что из писем уходит символическое значение войны как события национального масштаба. Нет и тени сакральности темы Родины и ее рубежей. Происходит смена общего дискурса о военной работе как лишенной патетики и героики. Это порождает большую вариативность дискурсов военного письма, как следствие ослабления пропагандистской машины, но не исчезновения следов идеологии. Отчетливо прослеживается несколько нарративных стилей ведения коммуникации с теми, кто связан с комбатантами дома, в стране: возможное отсутствие рассказа о самой войне, его элиминация описанием войны как опыта службы, как лекции эпизодов военных действий и случаев из фронтовой повседневности, как опыта карьеры или служебных достижений; наконец, война может приобретать форму рефлексивного нарратива о военном деле. Война предстает в поздней эпистоле уже в ее неприкрытом виде — как решение задач на уничтожение, а субъективно — на выживание.

Ключевые слова: письма с фронта, война, труд на войне, военный профессионализм

Введение

Война в памяти россиян по-прежнему занимает важное место, играя существенную роль в построении российской коллективной идентичности. Почему государственная идеология продолжает обращаться к этому ресурсу и обновлять его, несмотря на то,

---

* Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. erzhdestvenskaya@hse.ru

что ветераны уходят как социальная группа носителей опыта Второй мировой войны? Правда, им на смену пришли ветераны других военных кампаний советского времени — Афганской войны, чеченских кампаний. Как писал Коннертон, «образы прошлого часто служат социальным заказом» (Connerton, 2000: 3).

Отчасти ответ на вопрос о месте войны в национальной российской культуре дают социологи, связывая его с особой культурой войны, построенной на функционале внешнего образа врага. Так, известный российский социолог Л. Гудков, директор Левада-Центра, пришел к выводу, что Великая Отечественная война и победа в ней занимают место самого важного и позитивного (!) события современной отечественной истории, что позволило ему выдвинуть тезис о «войне как культуре» (Гудков, 2005: 40–41). Именно символ войны формирует то смысловое поле, на котором разыгрываются основные идеологические конфликты в современной России. Сверхэксплуатация прошлой Победы приводит к постоянному осовремениванию военного опыта, поиску новых средств коммеморации, продлевающих жизнь этому все еще важнейшему для россиян событию. В определенном смысле, обращение к письмам российских фронтовиков различных войн XX века — это попытка найти человеческое измерение этих событий.

Фронтное письмо как эго-документ

Фронтная эпистола занимает существенное место в военной историографии: эти личные документы предоставляют доступ к индивидуально-групповому измерению важнейших исторических событий. XX век, богатый на военные события, оставил несколько волн такого эпистолярного наследия, тесно связанного с культурой письма и мемуаристики. Сложившиеся впоследствии архивные коллекции военных писем стали основой для формирования культуры историографического описания и академических требований к отбору, типологизации и анализу фронтных писем (Злоказов, 1996; Локтева, 2005; Жучков, Кондратьев, 1961; Сомов, 2003; Пушкарев, 2000; Булыгина, 2005). Письмо с фронта является ярким *личным* документом, возможно, внутрисемейной ценностью; при соответствующей историографической обработке письмо также может представлять собой *социально-исторический* документ, повествующий об отношении участника событий к происходящему, к контексту фронта и его обстоятельствам, повседневности войны и т. д. Какую аналитическую оптику используют историки для анализа писем с фронта? С источниковедческой точки зрения, характеристика военных писем

«предусматривает выявление информационных показателей каждого фронтного письма. Изменение этих показателей определяло эволюцию формы и содержания эпистолярного источника на протяжении всей войны, трансформацию его структуры и семантического наполнения, языка и формуляра, <...> предполагает обязательную характеристику их происхождения, а также обстоятельств написания, <...> определение роли и места читателя — адресата фронтного письма» (Иванов, 2009: 4).

Более того, для историка важен и фон возникновения письма — как связь между историческими фактами и событиями, описанными в письме. В этом отношении, показательны опубликованные в недавно вышедшей антологии (XX век: Письма войны, 2016) письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к своему отцу во время русско-японской войны. Тесная переписка двух профессиональных военных моряков, более того, отца и сына, содержит упоминания и подробные описания военных событий, отыгрывая тем самым важную функцию исторического документа — его информативность. Просеивая повествование на предмет упоминаний качества вооружения, обстоятельств боя, позиции гражданских лиц, мотивации моряков, особенностей досуга, военный историк может предложить существенную интерпретацию состояния воюющей армии и окружающего общества.

Фронтное письмо как личный эго-документ является, в то же время, отражением дискурсивного режима эпохи, который определяет и формирует господствующие способы

письменной коммуникации. Как составная часть массовой коммуникативной практики, письмо содержит в себе ряд «обязательных» и ожидаемых структурных компонентов. Так называемый *условный формуляр* письма состоит из трех основных частей. К первой части, или *начальному протоколу* письма, относятся посвящение, поименование автора письма, обозначение адресата, приветствие; к основной части — преамбула, обозначение цели письма, собственно повествование, распоряжение по существу письма; финальная часть включает заключение, благопожелание, упоминание места, времени, а также подпись и/или печать, — по методике формулярного анализа военных писем, предложенной С. Каштановым (Каштанов, 1988). Обычно, устойчивая универсальность этой структуры обосновывается ее присутствием в личных документах различных эпох и культур, поэтому сравнительное чтение коллекций или архивных массивов эпистолярного наследия дает нам важную возможность проследить наличие (или отсутствие) значимых различий в этой структуре.

В фокусе нашей статьи это обстоятельство — письмо как эго-документ и, одновременно, отражение дискурса — является весьма существенным, поскольку затрагивает широкие дискурсивные пласты актуальной культуры. На войне «работают», то есть воюют; военная повседневность как-то устроена, если не упорядочена; на войне тело переживает, если выживает, свою историю потерь и лишений; на войне случается любовь, секс, насилие; война может обогащать трофеями и способствовать карьерному росту; война создает свой нарратив, не всегда совпадающий с военной пропагандой и идеологией, и прочее. Для целей статьи мы все же ограничиваемся одним сюжетом, который намереваемся проследить на основе коллекции писем упомянутой антологии, уже атрибутированных историками. Этот сюжет — профессиональное отношение к войне, безусловно, меняющееся на протяжении XX века. В чем сходится и чем различаются представления о военном профессионализме во время англо-бурской войны в Трансваале (1899–1902) и представления времен русско-японской войны (1904–1905), Первой (1914–1918) и Второй (1939–1945) мировых войн или относительно недавних Афганской войны (1979–1989) и чеченских кампаний (1994–1995 и 1999–2000)? И хотя обращение к какой бы то ни было коллекции военных писем не способно ответить исчерпывающе на этот вопрос, тем не менее, социально ориентированный нарративный анализ отдельных фронтовых писем российских военных с различных войн XX века позволяет наметить ведущие лейтмотивы сюжета «работы на войне».

Описание коллекции писем

В основу анализа фронтовой эпистолы положены письма², собранные коллективом историков, антропологов и социологов (среди которых и автор статьи), которые позволяют отследить зарождение и завершение феномена военной корреспонденции на протяжении столетия. Они подобраны из частных коллекций, архивных и музейных фондов, а также ранее опубликованных, но малодоступных источников. Письма с фронтов недавних российских войн в Афганистане и Чечне любезно предоставлены Комитетами солдатских матерей в России. В итоге 840-страничная антология содержит 123 подборки писем, состоящих из обмена корреспонденцией.

Война как работа

Вопрос о реконструкции содержания военного профессионализма через военную эпистолу явно обладает двойной оптикой. С одной стороны, письмо отправляет к отвечающей тому времени военной практике и представлениям о военном деле.

² Имеются в виду письма солдат, офицеров, призванных на фронт, на нем пребывающих и ведущих переписку с родственниками в тылу.

С другой стороны, эволюция военного профессионализма, военного этоса и публично-го дискурса об этом фреймируют наше восприятие при чтении этих писем. Более того, заставляют задуматься о том, что меняется, а что остается прежним в сфере этого экзистенциально пограничного человеческого опыта.

Научная литература о военном профессионализме — прежде всего, классические книги «Солдат и государство» Сэмюэля Хантингтона (Huntington, 1957) и «Профессиональный солдат» Морриса Яновица (Janowitz, 1960), признанные на Западе, но мало известные у нас в стране, — предлагает свою аналитику этого феномена. Яновиц, например, связывает военный профессионализм, в первую очередь, с военной *эффективностью*, которую ограничивает гражданский контроль. Для Яновица, тем не менее, сама возможность *аполитичных военных* — это иллюзия, поскольку военные являются активными участниками процесса поддержания национальной безопасности (Janowitz, 1960: 342). Хантингтон же считает, что «офицерский корпус являет профессионализм в той степени, в которой проявляются качества опыта, ответственности и корпоративности:

Функциональной задачей военной силы является ведение успешных боевых действий. Обязанности военного офицера включают: (1) организацию, оснащение и обучение этой силы; (2) планирование ее деятельности и (3) руководство ее действиями в бою и вне его. Особое мастерство офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия (Хантингтон, 2002).

Кроме повышения эффективности эти функции также способствуют росту гражданского контроля, потому что профессиональный военный стремится дистанцироваться от политики» (Huntington, 1957: 84).

Эти выводы, впрочем — плод либерального взгляда на военное дело и политику сдерживания власти военных. Тем не менее, невозможность их экстраполяции на внутрироссийскую ситуацию времен Российской империи или сталинской эпохи первой половины XX века — безусловное свидетельство смены дискурсов. В данном отношении, подходящими для начала века кажутся идеи автора, имя и авторитет которого были в ходу еще в российской царской армии: военного теоретика, прусского офицера и военного писателя фон Клаузевица, работы которого переиздавались в 1930-х годах (Клаузевиц, 2007). Мысль Клаузевица о том, что война имеет свою собственную грамматику, закономерно ведет к выводу о том, что военные профессионалы могут и должны совершенствовать свои знания в этой грамматике *без постороннего влияния*. Вероятно, поэтому Хантингтон мог впоследствии утверждать, что «качество военного дела может быть оценено только с точки зрения независимых военных стандартов» (Huntington, 1957: 57). Показательно, что, если для Хантингтона резервисты — явление в общем негативное, прежде всего потому, что они не являются *профессионально обученными* военными, то Клаузевиц весьма положительно описывает народную войну, войну непрофессиональными силами и резервные войска при определенных обстоятельствах. Иными словами, военная эффективность как показатель военного *профессионализма* зависит от контекста (и включает в себя оценочные характеристики солдат и офицеров, организационные структуры, вооружение, технологии, методы обучения, уровень пропаганды и целый ряд других факторов).

Но письмо с фронта содержит или скрывает совсем другую оценку военного труда — с точки зрения того, кто послан на фронт непосредственно воевать. Возвращаясь к историческому контексту отобранных писем, мы обязаны принять во внимание эту жизненную перспективу, которую они открывают, — солдата или офицера, погруженного в события как войны, так и повседневности, в неформальное общение со своими товарищами на фронте и переписку с теми, кто находится в тылу. Современная военная социология развернулась лицом к «маленькому человеку» (Wette, 1992) на войне с его

переживаниями, а в немецком контексте второй мировой — еще и с двойной ролью агрессора и жертвы. Классический вопрос — как солдатам удастся ежедневно преодолевать угрожающую жизни военную ситуацию (Ziemann, 1997), риски и неопределенности, имеет ответом описание будней войны. Они содержат и специфическую работу на войне, и отдых от нее. И, как любая работа, военная работа обладает своей военной этикой. Ее смысл — мотивировать, давать оправдания, награждать смыслом. Этнос военного труда, просматриваемый в подборке писем, складывается на пересечении трех параметров: собственно повседневности фронта с его занятиями, войны как мегасобытия национального и мирового масштаба, а также смысла, связываемого с понятием Родины. Таким образом, дискурсивная поляризация **фронта и Родины** в напряженном движении схождения-расхождения — это те рамочные условия, которые придают смысл военному труду, требуют его интенсивности, легитимируют приносимые жертвы.

Долг и честь как точка отсчета

Наряду с исторической динамикой военных конфликтов XX века менялся и сам дискурс военного письма, фиксируя исчезающие и возникающие мотивации и представления о гражданском, профессиональном и служебном долге, которые сами по себе являются яркой характеристикой социальной эпохи. В этом смысле, показательны письма-обращения по поводу добровольческого участия в англо-бурской войне 1899–1902 годов, адресованные в Российское общество Красного Креста.

19 октября 1899 г.

*В Главное управление Красного Креста от врача Андрея Андреевича Краузе
Заявление.*

Узнав из газет, что общество Красного Креста намеревается послать врачебно-санитарный отряд в Южную Африку для оказания врачебной помощи трансваальцам в их войне против Англии, честь имею просить общество не найдет ли оно возможным принять меня в качестве врача в свою посылаемую миссию.

При этом присовокупляю, что я хорошо знаком с немецким и французским языками и в случае принятия меня в миссию согласен пожертвовать сто рублей в пользу оной. Соболаговолите ответить, изложив подробные условия.

Врач Андрей Краузе (XX век: Письма войны, 2016: 34).

12 октября 1899 г.

Многоуважаемая Дирекция.

Смею предложить мою готовность принять участие в оказании помощи раненым в англо-трансваальской войне. Честь имею покорнейше просить, если находите это возможным, прикомандировать меня к одной из отправляемых колонн в качестве фельдшера, врачебного помощника и чего-нибудь подобного.

Дело в том, что я выслушал полный курс медицинских наук, но вследствие студенческих волнений устранен пока от Государственного экзамена. Свидетельство о выслушивании полного курса могу предоставить.

Находясь теперь без всяческой работы, имею честь покорнейше просить исполнить мою просьбу и дать мне возможность практически приложить свои знания в пользу страждущего человечества.

Готов поехать на тех условиях, которые вам угодно будет найти уместными.

С покорностью и почтением Д. Аваркушевич (Там же).

Формула «имею честь вызваться на службу именно на театр войны» содержит характерное представление о чести как этическом признаке впоследствии исчезнувшей

классовой культуры. Слово «честь» промелькивает в военных письмах и в последующие периоды, но в этих текстах оно уже лишено своего индивидуального смысла и отсылает в большей степени к чести коллективов и идентификации с группой.

С точки зрения исторической социологии, рассматриваемые военные эпистолы приобретают дополнительные качества. Один из классических сюжетов социологии — человек действия и ценностное отношение к нему в предложенных обстоятельствах. Исходя из этого, (объективистская) свертка событий, описанных в письме с фронта, с внешним потоком исторических фактов уступает по своей значимости человеку, переживающему, субъективно перерабатывающему события на грани экзистенциальности³. Именно это обстоятельство придает военным письмам статус особого *личного* документа, интерес к которому со стороны последующих поколений не иссякает. Не гаснет внимание к этому жанру и со стороны тех инстанций, которые инструментализируют память о войне, донесенную и сохраненную в персональном нарративе, для целей государственной идеологии. Фрустрация поражения или радость победы — эмоционально заряжены, и в этом качестве становятся основой для солидаризации (в отличие от исторических представлений, откладывающихся на когнитивном уровне сознания).

Уже упомянутые выше письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к отцу Евгению Романовичу Егорьеву (русско-японская война 1904–1905 гг.) — пример такого личного документа внутрисемейной коммуникации. Но поводом и содержанием переписки между сыном и отцом, профессиональными военными моряками, становится проживаемая ими история, в которой, по их словам, «забываешь, что может существовать личное горе». Приватность семейного разговора поддерживается лишь взаимно адресованными эмоциями, но его содержание — это развернутая картина профессионально выполняемой работы, с оценкой неудач и промахов, символическим вознаграждением героев и горьким признанием поражений. Особого внимания заслуживает письмо Всеволода Евгеньевича Егорьева от 12–15 августа, в котором мы становимся свидетелями происходящего боя, описанного в дискурсе профессионального военного, участвующего в бою и оценивающего его, подмечающего детали и не теряющего самообладания («Только потом, по приходе во Владивосток, у меня проявились человеческие чувства»).

12 августа 1904 г., крейсер «Громобой»

Однако, дорогой мой папа, пора мне приняться за подробное тебе письмо обо всех столь глужих грустных событиях... в половине пятого утра будит меня сигнальщик, докладывая, что меняем курс на вост, вылезая я на мостик, меняем курс. Только легли на West, рассвело и севернее себя на NordNordWest приблизительно видим 4 военных судна; первое мнение, конечно, что это наша давножданная эскадра; ... что «наша» эскадра состоит из 4 крейсеров: «Идзумо», «Адзума», «Токива» и «Ивате»; долго, впрочем, они ждуть себя и не заставили и к 5 часам, сблизившись на 65 кабельтовых, открыли огонь, мы им немедля начали отвечать (уже повернув на Ost); снаряды их с самого начала начали великолепно ложиться, первый снаряд лёг у самого борта «России». Я был на заднем мостике; не скрою, что первые снаряды производили жуткое впечатление, ...Особенно неприятное впечатление производили рикошеты, которые удивительно громко и медленно перелетали через головы в виде огромных чёрных ворон. Они летят так медленно, что, кажется, смело можно отойти от места падения в сторону; ...одним из первых попавших снарядов разнесло

³ Социологически ориентированная нарративистика ставит свои акценты, доверяя нарративу, поскольку, словами Карра, «благодаря сходству структуры действия, производимого индивидом, и структуры нарратива мы, обычно, можем объяснить действие, рассказывая о нем историю» (Carra, 2008: 29).

нам дымовую четвёртую трубу...Конечно, и мы не оставались в долгу, видны были и наши попадания, взрывы наших снарядов и пожары на японцах. На «Azuma» был сильный пожар, мы начали орать «ура», но в ответ на это — колоссальный пожар на «Рюрике»; как-то поневоле все замолкли; в 5 ½ ч. «Рюрику», по-видимому, подбили руль, он вылез из строя, но всё-таки продолжал идти с нами до 6 часов, до нашего поворота на обратный галс в NordWest четверть. ... в 6 часов повернули мы, за нами «Громобой», «Рюрик» же не поворачивает и вскоре поднимает сигнал: «руль не действует», а затем второй сигнал: «не могу управляться»; в это время неприятель, увлѣкшись «Рюриком», делает ошибку, отходит к Ost'у, сосредоточивая огонь на «Рюрике», и тем открывает нам свободный выход к N. Приблизительно около этого времени к нему подходят ещё три крейсера — «Naniwa», «Takachiho», «Niitaka». Видя, что «Рюрик» не поворачивает за нами, возвращаемся к нему, проходя между ним и неприятелем и принимая на себя все ему предназначавшиеся снаряды, проходя в 30 кабельтовых от неприятеля. После этого пожара мы ещё три раза возвращались к «Рюрику», три раза защищали его собственными корпусами... (XX век: Письма войны, 2016: 47).

Приватность военного письма — кочующая величина. Сменив масштаб эпохи и перейдя к другому режиму — уже советскому времени и событиям Второй мировой войны — мы обнаружим совершенно иной дискурсивный язык. Письма пишутся в расчете на многочисленную аудиторию, вольную и невольную. Подцензурность военного письма и писем на фронт заставляет их авторов пользоваться коллективной речью. В обмен корреспонденцией зачастую вовлекаются целые коллективы военных частей и тыловых организаций.

Взаимная мобилизация усилий для победы на коллективном уровне превосходит задачи информирования близких о состоянии военнослужащего, превращая письмо в публичное пространство, чему во многом способствовала неременная военная цензура (Приказ НКО СССР № 72...1997: 85–88).

13 ноября 1941 г., И. В. Панфилов — жене.

Здравствуй, дорогая Мурочка!

Во-первых, спешу вместе с тобой разделить радость.

Мура, ты, вероятно, не раз слышала по радио и очень много пишут в газетах о героических делах бойцов, командиров и в целом за мою часть. То доверие, которое оказано мне — защита нашей родной столицы, — оно оправдывается. Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы, командиры — это истинные патриоты, бьются как львы, в сердце каждого одно — не допускать врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награжден третьим орденом Красного Знамени. Это еще, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской, есть уже три Героя. Наш девиз — быть всем Героями. Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь дела большевиков.

Теперь, Мурочка, как там Вы живете, как дела в Киргизии, как учатся ребята и, наконец, как живет моя Макушечка? Очень о Вас соскучился, но думаю, скоро конец фашизму, тогда опять будем строить великое дело коммунизма.

Валя себя чувствует хорошо, я думаю, что скоро и она будет орденоноска, приняли ее в партию, работой ее очень довольны.

Мурочка, я тебе послал 1 тыс. руб...

Дорогая Мура, ты очень скупа, совершенно не пишешь. За все время от тебя получил одно письмо. Пиши чаще, ты знаешь, как хорошо, когда получишь весточку из дома. Пиши. Целую крепко тебя и детей: Женю, Виву, Галочку и мою дорогую Мачочку. Передай привет всем...

Пиши, адрес: Действующая армия, штаб дивизии.

Целую твой И. Панфилов (XX век: Письма войны, 2016: 54).

Соприсутствие военно-государственных инстанций в этом пространстве приучало пишущих к нормативному языку описания военной событийности. Особенно ярко это проявлено в случае фронтовых писем по поводу гибели комбатанта:

14 мая 1942 г. Письмо военкома полка батальонного комиссара Мухамедьярова К. Шопоковой.

Дорогая Керимбюю!

Письмо Ваше с фотокарточкой Вашего мужа получили, за которое очень благодарны и на которое спешим ответить.

Нам вполне понятна Ваша скорбь и печаль, которую Вы переживаете по любимому мужу, героически погибшему от рук немецких варваров. Скорбь и печаль переживаем и мы, потеряв такого мужественного, стойкого и храброго героя — гвардейца, беззаветно преданного делу партии Ленина и социалистической Родине, ставившего защиту свободы и счастья многомиллионного народа выше своей личной жизни.

Но его смерть, смерть героя — подвиг, который прославил его имя на весь обширный Союз. Имена и подвиги 28 героев-гвардейцев, в числе которых находился и Ваш муж, знают все, начиная с пионера-школьника и кончая седовласым стариком, их имена и подвиги воспеваются народом в песнях, про них складываются былины, их имена занесет на свои золотые скрижали история человечества.

Заботой, любовью и теплотой окружает правительство семьи 28 героев-гвардейцев. Решение правительства Каз. ССР об увековечении памяти командира 8-й гвардейской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова и 28 героев-гвардейцев, павших в борьбе с немецкими захватчиками на подступах к Москве, подчеркивает ту исключительную заботу, проявляемую правительством к семьям 28 героев-гвардейцев.

Ваш бодрый, энергичный тон письма сильно радует нас, он вселяет в нас новые силы и энергию для дальнейшей борьбы с немецкими варварами. Вы олицетворяете собой советскую женщину, какой она должна быть. Несмотря на постигшее Вас горе, Вы не склонили головы, Вы не опустили руки, Вы бодро смотрите вперед.

Так не сгибайте гордой головы советской женщины и впредь. Все силы, всю свою энергию отдайте на укрепление тыла, на оборону страны, на разгром виновника всех наших бедствий, злейшего врага человечества — германского фашизма. Мы, фронтовики, посланные Вами защищать жизнь, свободу и счастье, детей и жен, отцов и матерей, братьев и сестер, отомстим коварному врагу за все его злодеяния, за пролитую кровь, за разрушенные города, села и деревни, за все те бедствия, которые он причинил нам. Работайте спокойно! Ни шагу дальше врагу ступить не дадим! Близится день окончательной расправы с преступной гитлеровской шайкой. Тому порукой наша доблестная Красная Армия, наш сплоченный могучий народ, наша Коммунистическая партия.

Вместе с Вами, бойцами на трудовом фронте, мы выполним приказ нашего командования. В этом году мы окончательно разгромим германский фашизм и освободим нашу родную советскую землю от поганых полчищ немецких варваров.

Привет всем колхозникам! Шлем Вам, дорогая Керимбюбю, боевой большевистский привет!

Пишите, будем рады вестям с тыла.

С коммунистическим приветом военком полка батальонный комиссар Мухамедьяров (XX век: Письма войны, 2016: 57–58).

Такой текст мог быть впоследствии опубликован в газетной периодике, оказаться на стендах музеев, неоднократно цитироваться, упрочивая культуру послевоенной памяти о войне.

Военный труд той эпохи, описанный таким языком, вновь возвращает нас к упомянутой поляризации Фронта и Родины. Это соотношение требует четкости и конкретности в отношении пространства (дальше от границ Родины либо вперед, пядь за пядью освобождая занятую врагом территорию) и качества исполнения воинского долга (эффективно, результативно, малой кровью):

10 ноября 1941 г., Валентина Панфилова — матери.

Здравствуйте, дорогие Мануточка, Галушки, Виса, Женя и мама. Привет Вам и моим знакомым с фронта. Мама! Была сегодня на передовой у отца, правда, он похудел, но чувствует себя бодро. Была я как раз во время затишья боя, разговаривала с ним, ему ведь, конечно, некогда писать тебе.

Дивизия, которой командует отец, за время вступления в бой уничтожила уже три немецких дивизии и ни на шаг не отступила.

Немцы пленные о папкиной дивизии говорят, что «растянулась дивизия жиденько на большое расстояние и, несмотря на это, не найти нам никак уязвимого места, они сражаются как львы». Кроме того, имеется у нас новое, неизвестной конструкции для немца — оружие огнеметное, которое уничтожает на своем пути все живое и мертвое на протяжении кубического километра, против этого оружия все бессильно. Пленные немцы называют его адской машиной и всеми силами охотятся за ней, но охота до сих пор неудачная. Один офицер пленный говорит: «Покажите, Вы, хоть перед смертью эту адскую машину, которая беспощадно крушит нас». В общем, на фронте дела неплохи, немец боится наступающего мороза, некоторые немцы не имеют даже шинелей.

Ну пока, за нас не беспокойтесь, читайте постоянно газеты и чаще пишите.

Привет бабушке и Юлии Михайловне и всем знакомым.

Крепко целуем Валя, папа (XX век: Письма войны, 2016: 53).

Хорошо выполняемая работа — вознаграждаема, война при этом — не исключение. Более того, особый идеологически поддерживаемый характер войны, представленной в публичном пространстве как освобождающей Родину, сказывается на практике символического вознаграждения. К социальному смыслу награды привлек внимание еще Питирим Сорокин (Сорокин, 1999), ведь она содержит потенциал социального действия, мобилизующий как политические элиты, так и народные массы. Но, пожалуй, именно Юнгер (Юнгер, 2000) поместил смысл наградного действия в контекст тотальной мобилизации, в рамках которой стираются различия между войной и миром в едином героическом порыве. Ведь не только наступление, но и оборона требуют чрезвычайного напряжения всех сил, которое смогут продемонстрировать только герои войны, а затем и труженики тыла.

22 ноября 1942 г. Сержант Б. Анарбаев — членам сельскохозяйственной артели им. Карла Маркса Базар-Курганского района Джалал-Абадской области.

Дорогие мои земляки!

Сообщаю Вам о своих успехах в борьбе с коричневой нечистью. Я уже истребил 75 немецко-фашистских солдат и офицеров. Советское правительство высоко оценило мои боевые дела. Мне вручен орден Красной Звезды. Велика честь быть орденосцем, но велика и ответственность. На заботу Родины, на ее высокую награду я отвечаю еще более упорным уничтожением презренного врага.

Выполняя приказ Родины, мы без пощады и устали бьем проклятого немца. Каждый день снайперы, артиллеристы, минометчики и бойцы выводят из строя и бьют насмерть десятки и сотни гитлеровских солдат.

Эту священную очистительную работу мы рассматриваем как помощь бойцам юга, защитникам Сталинграда и Кавказа. Включившись в социалистическое соревнование, наши красноармейцы и командиры с каждым днем улучшают свой боевой счет и увеличивают количество истребленных гитлеровцев. Только снайперами того подразделения, где я служу, убито с начала войны 600 немецких солдат и офицеров.

Прошу и Вас, дорогие мои земляки, не отстать в соревновании. По-фронтному закончить все сельскохозяйственные работы, раньше установленного срока выполнить свои обязательства перед государством. Дайте стране и Красной Армии больше хлеба, мяса, овощей, хлопка.

Пусть еще больше крепнет боевое единство фронта и тыла — основа нашей победы над врагом. Красная Армия выполнит волю советского народа. Немцы будут разгромлены, а фашизм будет уничтожен навсегда.

Сержант-орденосец Байджур Анарбаев

Газета «Советская Киргизия», 22 ноября 1942 г. (XX век: Письма войны, 2016: 60).

В приведенном выше письме комбатант называет свой ратный труд социалистическим соревнованием, в котором, по примеру труда мирного, есть свои достижения — количество истребленных врагов. Эффективность этого ряда — в количестве убитых, что и отмечается наградой — орденом и полагающимися наградными выплатами. Эта метафора — военная работа как социалистическое соревнование — своим общим дискурсом уравнивает тех, кто работает на фронте, и тех, кто работает в тылу, мобилизуя гражданское население на тот же масштаб усилий, что и на фронте.

Изменяется ли со временем характер военного труда? Малая, Афганская, война в тени большой, Отечественной, показывает на подборке писем участников Афганской войны, что повседневность военной работы мало претерпевает перемен. Но значимо то, что из писем уходит символическое значение войны как события национального масштаба. Нет и тени сакральности Родины и ее рубежей.

Из письма Кораблина Владимира Ильича от 20.05.1992:

...Я жив, здоров, живем по-прежнему. Поменяли боевую позицию. Подошли ближе к горам. К нашему полку присоединились артиллерия из гаубиц, танковая бригада, установки «Град» и «Ураган». И все они день и ночь стреляют по горам, прочищая дорогу. Ведь в предгорьях растут настоящие непролазные джунгли. На дороге в горах установлены всякие ловушки. У «духов» имеются 20 танковых орудий. Так что они еще очень опасны. Наша артиллерия недавно разгромила у них в лесу командный пункт. Вот они тогда разозлились, такой обстрел нам устроили, снаряды разрывались в метрах двадцати... Несколько раз «духи» ловили наши частоты на связи в эфире. Приходилось менять частоты... (Нижегородский архив Комитета солдатских матерей).

Письмо имеет описательный характер, уже лишено эвокаций, проклятий врагу, призывов к победе, словно с трибуны. Оно описывает будни военной работы в режиме последовательности военных действий. Общий фрейм этой работы остается «за кадром», преследуя тактические цели поражения условного врага.

Приведем пример письма с Первой Чеченской войны.

Из письма Никонова Андрея Владимировича от 25.12.95:

...Ну что вам написать о Чечне? Я не хочу вас пугать, поэтому напишу немного. Не верьте тому, кто скажет вам, что война в Чечне закончилась. Она как раз только начинается. У нас очень часто бывают боевые тревоги, днем и ночью. Тревога может быть по малейшей стрельбе, а стреляют здесь каждую минуту. Днем и ночью. Недавно ранили двоих наших бойцов и одного убили. А случилось это днем. Когда 4 чеченские снайпера засели на деревьях и их никто не видел. И даже не слышали, когда они отстреливали наших как собак. А только видели, как наши парни падали истекая кровью. Это конечно не описать словами, это надо видеть. Здесь гибнут хорошие парни, которых так не хватает на гражданке. Которые в свои 19 лет видели смерть, ощущали страх, видели море крови, которые в 19 лет испытали всё в своей жизни. И всё, что они видели, им будет сниться после армии очень долго. И тот, кто выживет в этой войне — крепкие и очень сильные парни. И не дай бог, кто-нибудь меня упрекнет Чечней на гражданке. Я разорву его, в прямом смысле этого слова (Нижегородский архив Комитета солдатских матерей).

Чеченский опыт войны в письмах доносит иную важную сторону этой «работы» — суметь выжить, выжившие станут крепче и сильнее тех, кто войны не прошел. Маскулинное братство объединит тех, кто выживет, и противопоставит тем, кто посмеет упрекнуть в участии в войне. Поле боя выковывает новые маскулинности и солидарности, которые станут новым смысловым ресурсом военных действий в военных кампаниях конца XX века, поскольку мотивация мести за убитого товарища способна заменить на индивидуальном уровне мотивацию защиты Родины.

Март 1988 г., Салим Гатаулин — Геннадью Скворцову.

Здорово, Гена.

Наверное, моё письмо тебя удивит, но не написать я тебе не мог, зная, что был лучшим другом Валерки. Как мне не тяжело писать эти строки, но, однако, всё уже случилось, и ничего назад не воротишь, и Валерки больше с нами нет. Так обидно, что он погиб ни за что... И главное прямо перед заменой в Союз. Как всё это было... За первую неделю операции мы уничтожили более 30 духов, но белая полоса закончилась. Только группа Ильдара Ахмедшина вышла с КП километров только на восемь, как попала в засаду. Два бронетранспортёра спалили сразу же, три бойца тут же были убиты, куча раненых. Это было возле самой зелёнки. Ильдар был тоже тяжело ранен, и боем руководил Валерка. Около трёх часов они вели тяжёлый бой и их там долбили со всех сторон. Еле-еле разрешили поддержку с воздуха и огонь артиллерии, т.к. в это время командование пыталось мирным путём договориться с духами, и мы с КП видели, как горели наши БТРы. Потом, когда туда прибыл ещё один отряд на помощь, там была страшная картина. Группу вытащили, пришли вертолётчики, чтобы забрать раненных и убитых. У Валерки чуть-чуть пуля задела голову, он хотел остаться, но медик настоял, чтобы его отправили в стационар. Он сел в ту же вертушку, где лежали трупы, с ним был ещё Костя, переводчик и ещё трое раненных солдат. Я проводил Валерку до самого вертолётчика, посадил его туда, и машина взлетела. Я повернулся и пошёл на КП. Как вдруг что-то грохнуло за спиной. Я повернулся:

вертушка, пролетев метров 500, рухнула на землю. Мы побежали. Валерка был ещё живой, но там было страшно смотреть. В сознание он так и не пришёл. Вот так, глупо и очень глупо всё и произошло. Извини, писать трудно. На душе тошно от такой войны, но думаю, что отомстить ещё успею... (XX век: Письма войны, 2016: 100–101).

Важным отличием военных писем последних локальных войн — из Афганистана или Чечни — является смена общего дискурса о военной работе: он лишен патетики и героики. В эпистолярных посланиях уже не встретишь экзальтации с призывами к победе любой ценой, патриотических лозунгов и наполненных гордостью похвал храбрости и стойкости «нашего» человека на войне. Это порождает большую вариативность дискурсов военного письма, как следствие ослабления пропагандистской машины, но не исчезновения идеологии, которая обозначалась в терминах сложносочиненного конструкта «интернационального долга» либо архетипичного крестьянского паттерна «помощи соседу в нужде». В письмах из Чечни, а их рассмотрено с помощью методологии нарративного анализа около 20, отчетливо прослеживается несколько нарративных стилей ведения коммуникации с теми, кто связан с комбатантами дома, в стране.

Прежде всего, это **отсутствие собственно рассказа о самой войне**, его элиминация. В этом случае, письмо обладает исключительно коммуникативными функциями. Письмо становится важным для воюющего автора в качестве связующей нити с домом и прежним социальным окружением. О войне ему говорить не хочется или не получается, вероятно, по причине того, что нарративизация военных действий экстернализирует тревоги и опасения самого бойца.

Вопросы родным и близким, напоминания о событиях на гражданке заполняют тело письма и выстраивают коммуникативный мост между довоенным периодом комбатанта и его возможным возвращением домой с новой мирной событийностью.

Иной стиль письма связан с описанием войны **как опыта службы**. Смысловыми единицами эпистолярного сообщения становятся уставные и неуставные отношения, повседневные практики в военное время, фронтной быт, сведения о боевых задачах и выпавших трудностях. Письмо, в большей степени, несет фактологическую или информационную функцию. Война может быть нарративизируема, с учетом разного положения комбатантов в военной иерархии, как **опыт карьеры или служебных достижений**. В этом случае, адресант делает акцент на упоминании проявления мужества и отваги в боях, в результате чего им было получено повышение или правительственная награда. Также описывается и более прозаическая картина планирования условий по перемещению по служебной лестнице.

Кроме того, война может быть нарративизируема как **коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтной повседневности** (факты ранения; убийство солдат враждебной армии; свидетельства гибели товарищей, противников или мирного населения; факт нахождения в плену). Письмо солдата приобретает универсальные свойства нарративной структуры с изложением хода событий (начало, развертывание и окончание). Наконец, война может приобретать форму **рефлексивного нарратива о военном деле**, в котором функционирует в качестве способа понимания себя и других. Война здесь предстает как обучающий опыт, ценный тем, что поставил комбатанта на грань жизни и смерти.

В заключение отметим, что в письмах военных кампаний позднего советского времени военный труд представлен иным дискурсом — чаще всего, службы: к ней нужно быть готовым, ее нужно исполнить, на войну нужно «сходить». И если, при наличии все

тех же служб цензуры, авторы писем с фронта времен Великой Отечественной войны ощущали пространство письма не только мостиком в круг родства и семьи, но и родом трибуны с провозглашением лозунгов и посыланием проклятий обобщенному врагу, то авторы писем — «афганцы» и «чеченцы» сошли с этих трибун. Война предстает в их письмах в ее неприкрытом виде — как решение задач на уничтожение, а субъективно — на выживание.

Литература

Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540.

Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 83–103.

XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55–69.

Злоказов Г. И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 37–46.

Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934; переиздание: М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2007.

Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.09. Автореф. дисс. к. истор. н., 2009.

Каштанов С. М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988.

Локтева Н. А. О чем рассказывают письма с фронтов Первой мировой: (По документам Госархива Самарской области) // Эхо веков. 2005. № 1. С. 31–35.

Приказ НКО СССР № 72 «О работе полевой почты» от 18 сентября 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Том 13 (2–3). М., 1997. С. 85–88.

Пушкарев Л. Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109–121.

Сомов В. А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 131–135.

Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999.

Хантингтон С. Офицерская служба как профессия // Отечественные записки. 2002. № 8. Электронный ресурс. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_09.html (дата обращения: 06.06.2018)

Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000.

Carr D. Narrative Explanation and its Malcontents // History and Theory. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 19–30.

Connerton P. How Societies Remember. Harmondsworth: Penguin, 2000.

Huntington S. Soldier and the State. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

Janowitz M. The Professional Soldier. New York: The Free Press. Original edition, London: Collier-Macmillan Limited, 1960.

Wette W. Der Krieg des kleinen Mannes, eine Militärgeschichte von unten. München: Piper, 1992.

Ziemann B. Front und Heimat: ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen: Klartext-Verlag, 1997.